

Неоконченная повесть

А. Н. Апухтин. Сочинения. Стихотворения и проза
М., "Художественная литература", 1985
Составление и подготовка текстов А. Ф. Захаркина
Вступительная статья М. В. Отрадина
Примечания Р. А. Шацевой
[OCR Бычков М. Н.](#)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В те времена, когда из Петербурга по железной дороге можно было доехать только до Москвы, а от Москвы, извиваясь желтой лентой среди зеленых полей, шли по разным направлениям шоссе в глубь России,-- к маленькой белой станции, стоящей у въезда в уездный город Буяльск, с шумом и грохотом подкатила большая четырехместная коляска шестерней с фореитором. Вероятно, эта коляска была когда-то очень красива, но теперь являла полный вид разрушения. Лиловый штоф, которым были обиты подушки, совсем вылинял и местами порвался; из княжеского герба, нарисованного на дверцах, осталось так мало, что самый искусный геральдик затруднился бы назвать тот княжеский род, к прославлению которого был изображен герб. Старый, осанистый кучер был одет, несмотря на лето, в армяк зимнего покроя, а в должности фореитора состоял дюжий парень в красной рубахе и лаптях. Лошади были разнокалиберные, сбруя сборная, кое-где торчали веревки. Лакей в ливрее и картузе сидел на местечке, приделанном сзади коляски. На крыльце станции черноволосый человек в белом нанковом сюртуке, приложив руки ко лбу в виде зонтика, всматривался в подъезжавший экипаж. Это был смотритель, обруселый еврей, известный всей округе своим искусством делать кулебяки и какие-то необыкновенные битки в сметане.

-- Матушка, ваше сиятельство, по какому случаю пожаловать изволили? -- подобострастно залепетал он, сбегая с крыльца и помогая лакею отворить коляску.

Не без труда оттащили они общими усилиями разбухшую дверцу и вынули из коляски пожилую тощую даму, с усталым и недовольным видом. Впрочем, с первого взгляда никак нельзя было определить ее лет. И лицо, и прическа, и платье -- все в ней как-то вылиняло и потерялось. Только большие черные глаза говорили о прежней красоте.

-- Здравствуй, здравствуй, Абрамыч,-- отвечала она, с трудом попадая ногами на ступеньки коляски,-- сына встретить приехала. Ведь мальпост¹ еще не пришел?

-- Никак нет, ваше сиятельство, с минуты на минуту ожидаем; пожалуйста на станцию.

Вслед за пожилой дамой легко и грациозно выскочила из коляски молодая девушка в розовом ситцевом платье. Ей было лет шестнадцать; она, видимо, еще не вполне сложилась, черты лица были неправильны, румяный загар покрывал ее смуглые щеки. Глаза -- большие и черные, такие же, как у пожилой дамы, смотрели далеко не по-детски.

Было жаркое июльское утро. Комната, в которую вошли путешественницы, украшалась двумя жесткими диванами, обитыми черной кожей; перед каждым диваном стоял стол из карельской березы; в простенке висело большое зеркало, сверху донизу исцарапанное проезжающими. Несмотря на отворенные окна, было невыносимо душно; целые мириады мух жужжали кругом и нисколько не смущались тем, что на каждом окне стояла тарелка с мухоморами.

-- Ох, устала же я! -- говорила княгиня, опускаясь на диван,-- ты, Соня, как хочешь, а я подремлю немножко. Да вот что, Абрамыч: ты нам к приезду мальпоста биточков приготовь, да побольше, а то Сережа с дороги проголодается. Ты моего Сережу не узнаешь -- совсем большой стал. Шутка ли, зимой уж выйдет из лица, чиновник будет.

-- Будьте покойны, ваше сиятельство, голодными не отпустим.